

РАССКАЗЫВАЮТ: как-то раз во дворике Парижского университета у «ангелического доктора» Фомы Аквинского и «универсального доктора» Альберта Великого вышел спор о том, есть ли у крота глаза. Вот уже несколько часов длится этот словесный турнир — и все безрезультатно. Каждый стоит на своем истово и непоколебимо. Но тут случись садовник, нечаянно подслушавший этот ученый диспут, и возьми да и предложи свои услуги. «Хотите, — говорит садовник, — я Вам сей же миг принесу настоящего живого крота. Вы посмотрите на крота, настоящего и живого. Сами посмотрите на живого настоящего крота. На том и разрешится Ваш спор». «Ни в коем случае, — воскликнули в один голос спорщики. — Ни в коем случае. Никогда! Мы ведь спорим в принципе: есть ли в принципе у принципиального крота принципиальные глаза»⁴⁰.

Эта легенда хорошо схватывает одну из основных коллизий средневекового познания: созерцательная эмпирия — схоластическая логистика; ощущаемые реалии — понятия по поводу реалий; вещь — имя вещи, воспарившее над вещью, потерявшее вещь, хотя и обретшее эту самую — «словесную» — вещественность.

Иначе говоря, созерцательный опыт оксфордцев-францисканцев, с одной стороны, и рассудочная бесплотная схоластика доминиканцев, — с другой. Но созерцательный опыт оксфордцев и противостоящая ему схоластика (вместе) находятся в странном противостоянии к герметической (алхимической) традиции, карикатурно преодолевающей этот разлад.

Шестая часть «Большого сочинения» Роджера Бэкона (АМФ, 1, с. 862—877) посвящена обоснованию опытной науки как истинной добытчицы знания, тождественного пониманию, ибо «силлогистическое доказательство обучает знанию, понимание же должно сопровождаться опытом, а не голым доказательством» (с. 873). Понимая, однако, что в ссылках на Аристотеля натяжки неизбежны, Бэкон пишет: «Если же он (Аристотель. — В. Р.) говорит в первой книге «Метафизики», что те, кто знает основания и причины, более мудры, чем обладающие опытом, то там речь идет о тех, кто из опыта знает только голую истину без [знания] причин. Я же говорю здесь о таком обладающем опытом человеке, который из опыта знает и основание, и причину» (с. 873).

Но только созерцательный опыт здесь бессилён. Одолевая эту трудность, Бэкон говорит о двояком опыте. Первый из них — низшего рода. Он приобретается с помощью внешних чувств. Именно он удостоверяет нас относительно телесных вещей, удовлетворяя жаждущий познания дух и успокаивая его в сиянии истины, даруя при этом благо и помогая избежать зла. Следовательно, одних только доказательств недостаточно. Нужен опыт ощущений. Но такой опыт не касается вещей духовных, да и относительно телесных вещей удостоверяет нас не вполне. Необходим

⁴⁰ Пересказывая эту притчу, не могу сослаться на источник. Может быть, этого спора вовсе и не было. Может быть, это легенда. Пусть. Но ведь легенда, по Саллюстию, это то, чего никогда не было, но зато всегда есть (Sallustii, 1881, с. 33). Достоверность универсального вымысла — ложность единичного факта.